

ИЗ ДЕТСТВА

Ю.К.

На фоне железнодорожных путей,
согласно церемониалу,
калека безногий в тележке своей
с утра колесил по вокзалу.
Душа на пропой и медаль посреди,
а за отворотом бушлата —
согревшиеся у него на груди,
скулили слепые щенята.
А он, бедолага, шутил невпопад
среди суеты балагана
и водкой выкармливал этих щенят,
бутылку достав из кармана.
Хорошие граждане средней руки,
забаву цenia лобовую,
охотно кидали свои медяки
в тележку его гробовую.
В шалмане водяра текла, как вода,
навстречу собачьему веку,
кого мы сильнее жалели тогда —
щенят или всё же калеку?

Вокзальные слезы легли про запас,
бухло переполнило чашу.
Кого мы сильнее жалеем сейчас —
себя или Родину нашу?

КИТЕЖАНЕ

1

Жить у обрыва — плохая привычка,
но, со времен допотопной Орды,
Китеж-Воронеж — слышна перекличка
слов и веков, облаков и воды.

В каждом из нас и в любую погоду,
каждые двадцать четыре часа —
город, который уходит под воду
или возносится на небеса.

2

Не важно, с какого боку,
но чудится наяву,
что Китеж неподалеку —
я в нем посейчас живу.

В России душа, как дома,
поэтому не впервой —
от Китежа до Содома
недолго по Кольцевой.

3

...а Китеж не в раю и не в аду —
по этой жизни он и тут, и там.
Мы движемся на собственном ходу
по самым неожиданным местам.

Не говори, что небо не про нас —
оно сегодня ближе во сто крат,
а демоны и ангелы сейчас
между собой по-русски говорят.

* * *

Не помню, какого числа,
по воле какого синдрома
дорога меня привела
на место родимого дома.
Тут жили когда-то вдали
от смутного гула эпохи,
и вот — в придорожной пыли
красуются чертополохи.
Пока мы кому-то назло
по этой земле колесили,

Я многого не понимаю
и воспринимаю с трудом,
что эта душевнобольная
легка на полет и подъем.
Душа в темноте колобродит
и каждую ночь напролет
безумная женщина бродит
и стремные песни поет.

ПЕСНЯ

Помнишь, пьяная женщина пела
на исходе июньского дня:
— Каравеллы мои, каравеллы,
почему вы ушли без меня?
Оклемается мало-помалу,
помолчит и опять за свое.
И такая тоска набегала
от бесхитростной песни ее...

* * *

Прямо по течению беды
прошлое оделось берегами;
бросишь камень в зеркало воды —
время разбегается кругами.
Вот и сердце, памяти вослед,
окаменеваает поневоле.
И куда нам плыть из этих лет
по теченью совести и боли?..

КРУГИ

Кого мечты, кого долги
удерживали в этом мире,
но только по воде круги
расходятся на все четыре.
Остановись и оглянись;
по грозовому небосводу
круги земные разошлись —
а мы пеняли на погоду.
Все переменится, когда,
захолонувшие от света,
сойдутся небо и вода
на круге Вечного завета.

СТАРИК

На последней ноте снегопада
сердце виновато без вины —
никакого праздника не надо,
все не в жилу, кроме тишины.
Хвори да печали одолели,
не осталось музыки в груди;
но под капельницами капли
есть одна отрада впереди:
скоро Пасха и кому-то надо,
чтобы с одинокой высоты
на четыре стороны заката
осыпала яблоня цветы.

* * *

Наш климат по натуре скуп,
растительность неприхотлива:
тут баобаб — обычный дуб,
а наша пальма — та же ива.
Здесь освещение не то,
снега хронически не тают,
но в этом климате зато
мои стихи произрастают.
И понимаю наперед,
что, в окончательном итоге,
я тоже стану, в свой черед,
обычным кленом у дороги.

РОДИНА

1

Эта Родина проще простого,
эта правда, как небо, стара.
У кривого столба верстового,
наконец, оглянуться пора.
Сколько всякого было-случалось
и случается в ней до сих пор! —
и земля под ногами качалась,
и стреляли друг друга в упор.
Но, какого-то лешего ради,
представляется мне, например,
будто жили по вере и правде,
будто слушали музыку сфер.
У кривого столба верстового
подымается дым без огня.
Эта Родина проще простого,
эта вера от пули меня...

Л.А.

Не избами, не сеновалом
и не перегаром печали —
Россия пропахла вокзалом,
где мы провожали, встречали;
где были победы, обиды,
разводы на лагерных зонах
и где посейчас инвалиды
поют на холодных перронах.
А мы в привокзальном буфете
сидим посредине Отчизны,
как будто никто не в ответе
за все инвалидные жизни.